

ПЕРСОНА
РАЗГОВОР

Он перестал быть брэндом

ЖИТИНКИН НЕ ЖЕЛАЕТ ОСТАВЛЯТЬ ЗА СОБОЙ НИ ЕДИНОЙ УЛИКИ

Первым открыв сезон в Театре на Малой Бронной, Андрей Житинкин первым же подытожил свои более чем десятилетние поиски «режиссерского камня», променяв вечность на витальность. Он и в самом деле не желает оставлять за собой ни малейшей улики: «Я потому и занимаюсь театром, что — слава тебе, Господи! — от него ничего не остается. Как не останется и от меня, за исключением, может быть, едва уловимого подсознательного отравления Житинкиным. Смотрите: я перестал быть брэндом!»

Ян СМЕРНИЦКИЙ

— Вернувшись из США, вы явно пересмотрели для себя ряд понятий. Как это отразится на грядущих премьерах, например, на толстовской «Анне Карениной»?

— Будет четко проявлено, что Анна — морфинистка, и в этом заложена мотивация многих ее поступков. Лев Николаевич был великодушно осведомлен о наркотическом воздействии на человека. А потому не мог прописать тему «морфинизма» вскользь. Но не надо думать, что это хоть на йоту очерняет Анну. Наоборот, полнее раскрываются ее сущность, расчетливость, слабость и неумение справиться с тем компьютером, что в ней засел. Моя задача налицо: вытащить спектаклем цельный и полнокровный образ, а вовсе не то, что осталось от Карениной в кинематографе, — огромные глаза Татьяны Самойловой, и все. Все! Или послушать в Бахрушинском театральном музее записи спектакля, где главную роль играла Алла Тарасова: да вы сойдете с ума от ее бесконечных завываний, чудовищной фальши в интонации, якобы теплоты в голосе! Туфта, пошлятина — хуже мексиканского сериала! Мне было бы дороже, если бы я знал, что Тарасова гениальна, и не сомневался! Зачем я прослушал эту пленку? Лучше бы она сгорела с чертовой матер!

— В белой Японии есть только один уважаемый муж, что всю жизнь фотографирует только белую Фузимию. Есть только один поэт, всю жизнь слагающий семистишия-хокку только о белом снеге. В чем Житинкин нашел свое «только» и свое «белое»?

— В самозабвенном уходе во внутренние путешествия. Недавно я отдыхал в Нью-Хемпшире. Можно было лишь позабавоваться, глядя на ландшафт, меня окружавший: в озерной глади отражался замок, лес вдалеке, под ногами — персональный пляж для миллионеров... Я не миллионер, меня пустили за «просто посмотреть». И вот я плыву. И вдруг... вижу три радуги одновременно! (Там горное озеро, формирующее свою систему туманов.) Я настолько залюбовался этим явлением, что перестал грести и, нахлебавшись воды, едва не пошел ко дну из-за... да, эстетического

потрясения! Кто это — Бог или бог знает что, но это настолько красиво, что непередаваемо ни в одном из искусств — ерунда будет, скажут, что какой-нибудь Никас Сафронов одно прикрутил к другому! И я давно для себя сформулировал, что жизнь — это сиюминутность ощущений. А количество денег на сберкнижке меня не волнует, поверьте! Как пошутил один артист, к гробу багажник не приделаешь. У меня нет дачи, машины, я ненавижу спорт, возню с механизмами. Но у меня есть вещи, которые составляют только мое счастье. Когда я поймал Теннесси Уильямса на том, что он своровал две ремарки у Чехова, то был счастлив настолько, что прыгал до потолка в собственном кабинете! Я разгадал в какой-то степени...

— ...прежде всего самого себя?

— Да... Вот вам и пример: то, что мы сейчас делаем с вами, лишь формально интервью, в любом случае это некая разновидность интеллектуального се-

Досье «ВМ»

ЖИТИНКИН Андрей Альбертович. С отличием окончил актерский (курс Людмилы Ставской) и режиссерский (курс Евгения Симонова) факультеты Училища им. Щукина. Дипломный спектакль «Вые каре» поставил в «Современнике». В театре им. Ермоловой, руководимом тогда Валерием Фокиным, поставил нашумевшие спектакли «Снег. Недалеко от тюрьмы», «Роковые яйца» и «Калигула». Долгое время сотрудничал сразу с несколькими театрами: «Поле битвы после победы принадлежит мародерам» в Сатире, «Мой бедный Марат», «Венецианский купец», «Милый друг», «Желтый ангел» в Театре им. Моссовета, «Псих», «Старый квартал», «Признания авантюриста Феликса Круля» в Табакерке, антрепризный мюзикл «Бюро счастья» и многие другие. Аншлаговый успех спектакля «Нижинский, сумасшедший Божий клоун» в Театре на Малой Бронной привел к решению пригласить Житинкина на пост главного режиссера театра. Режиссер принимал участие в создании Центра реабилитации, где поставил с глухонемыми актерами спектакли «Танго» и «Трое в открытом море». Недавно снялся в телевизионном проекте «Искушение Дирка Богарда» в роли Лукино Висконти. Ведет активную преподавательскую деятельность на Западе.

кса, когда попадаешь в чужой поток сознания и разгадываешь бесконечный кроссворд человеческой души!.. Тут-то и застает тебя твое счастье, ибо в эти мгновения ты уподобляешься Творцу или паркам, нити расплетающим. За это я так ценю побег в зону внутренних — как по Камю — приключений; они мне намного дороже, чем внешние. Сколько раз у меня блеснули глаза от

Лариса КАМЫШЕВА

слез на собственных спектаклях!

— Самолюбование?

— Отнюдь. Я смотрел и не понимал, как это сделано, будто бы и не я режиссер; глубоко уходил в себя...

— Разве это не опасно?

— Еще как! Вспомнить ту же Америку: сытая страна, где чувствую себя беленым кроликом. Никто не курит, никто не пьет, все

плавают, все бегают, следят за процентностью холестерина, жрут экологически безопасные продукты. При этом, правда, с удовольствием смакуют фильмы Тарантино, где герои отрезают друг другу уши, но в целом все благополучно! Однако это не исключает обстоятельство, что в какой-то момент происходит щелчок, и милый подросток, схватив автоматическое ружье, расстреливает полкласа.

— Но общение с цивилизацией все равно необходимо?

— Вырваться из нашей «черной дыры», чтобы почистить организм, никогда не помешает. Но это чисто физический допуск экологии. Однако когда экология касается нравственности, это уже напоминает стерильность.

— То есть?

— Стерильность, пастеризация — как вам будет угодно. Например, в кругу друзей не принято говорить о неприятном, о болезнях... Нельзя, как в России, зайти спонтанно в гости часа в два ночи, заблаговременно спросив: «У тебя есть или мне принести?» У них на месяц вперед расписаны все визиты, определена какая-то жуткая система подарков. Дурдом! Мне же по душе сумасшедшие типа Джека Николсона, что

закрывается у себя в апартаментах и киряет с друзьями всю ночь, утром же спускается в супермаркет в одних тапочках, требуя опомелку и закуску.

— Это должно быть нормой?

— Нет, конечно. Но этим художник платит за то самое «иное зрение», которое так ломает обывателя мозги. Обывателю, который погряз в бытовой жизни... Здесь уместно вспомнить Чехова: «Можно есть, пить, носить пиджаки, но это еще не будет значить, что ты живешь»...

— Странное утверждение. Носить пиджак тоже надо уметь, он еще не всякому будет к лицу. Да и деньги нужны на хороший пиджак.

— И меня засасывает бытовуха, когда я вспоминаю, что не оплачены квартира, телефон, ремонт, жратва, одежда... Я на этой грани быта-небыта всегда остро рожен. Иногда быт — это спасение от страшных мыслей о смерти, о бренности всего сущего. Быт — это та анестезия, которой заговаривают зубную боль. Огромное количество одиноких женщин во что бы то ни стало рожают ребенка — только затем, чтобы обрести или продлить себе «смысл жизни»...

— Это очень безнравственно. Вместо того чтобы поступить честно — вскрыть вены в горячей ванне, они плодят детей, как плодят ложь. Так?

— Да. Рожают и об отце даже не вспоминают, ведь сейчас повсеместно распространено искусственное зачатие: женщина вообще не знает, чья это сперма, она ее просто купила... Представьте, потом, когда ребенок открывает рот, его надо чем-то кормить, во что-то одевать, появляется миллион проблем и трудностей. Вот тут-то женщина по-настоящему расцветает! А как ползла бы вверх кривая суицида, если бы она не купила эту сперму! Да, все в нашей жизни — наркотики, все — лишь побег от довлеющей над тобой мыслью о самоубийстве. Речь, разумеется, о тех, кто живет, а не спит по жизни. Михаил Козаков, репетировавший у меня Шейлока в «Венецианском купце», на одном из спектаклей загрузил: «Жалко! Все мы уже сыграли!» Я говорю: «Да отчего же жалко — такой успех!» «Ты не понимаешь: вот мы придумали себе энтакую высокотехнологическую игрушку на полгода. Полгода мучились, отвлекались от смерти. А чем сейчас забить мозги?»

— За каждым из нас ежесекундно идет смерть с двустволкой наперевес, прозиг: только сосредоточься на себе, только попробуй! Неужели нет от нее спасения?

— Никакого. Для этого, наверное, и нужно есть, пить, носить пиджаки с оборочкой. Чтобы тихой ночью, когда остаешься один на веранде, тебя не подкараулил самый конкретный вопрос твоей жизни. Поэтому стоит задуматься, какой ценой вы пропараете имя свое на глянцево шарике, нареченном «Вечностью».